

Игорь Рабинер

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

ПОЛУЗАЩИТНИКИ
И НАПАДАЮЩИЕ
От Нетто до Черенкова
и Тихонова

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

Рабинер Игорь. РОССИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СПОРТА

Игорь Рабинер

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

ПОЛУЗАЩИТНИКИ
И НАПАДАЮЩИЕ
От Нетто до Черенкова
и Тихонова

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

P12

Рабинер, Игорь Яковлевич.

P12 Спартаковские исповеди. Полузащитники и нападающие : от Нетто до Черенкова и Тихонова / Игорь Рабинер. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-215733-2

Игорь Рабинер, известный автор книг о «Спартаке», создал новую работу, переосмысляющую историю клуба. «Спартак» — это искусство, вызывающее бурю эмоций, которые выражаются не только на стадионах, но и в книгах, стихах, песнях, фильмах. У каждого — свое видение команды, и каждое из них имеет право на жизнь, как и любое искусство.

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-215733-2

© В оформлении обложки использованы фотографии:

© Юрий Сомов, Михаил Фомичев, Владимир Родионов, Александр Вильф, Сергей Пивоваров, Владимир Федоренко, Максим Богодвид, Владимир Сергеев / РИА Новости;

© Dmitry Korotayev / Epsilon / GettyImages.ru

© Дмитрий Донской, Леонид Доренский, Владимир Федоренко, Валерий Шустов, Владимир Родионов, Игорь Уткин, Александр Вильф / РИА Новости

© Рабинер И. Я., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

- Федор ЧЕРЕНКОВ
«МНОГО ЛЕТ МЕНЯ МУЧИЛА СОВЕСТЬ
ИЗ-ЗА СОТОГО ГОЛА» 7
- Игорь НЕТТО
«В МГБ ОТЛИЧНО ЗНАЛИ, ЧТО БРАТ НЕТТО —
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ. НО ЛОМАТЬ
ЕМУ КАРЬЕРУ НЕ СТАЛИ»..... 85
- Андрей ТИХОНОВ
«МЕНЯ ОТЧИСЛИЛИ ИЗ “СПАРТАКА”
ЗА УДАР БУТСОЙ О ПОЛ РАЗДЕВАЛКИ»..... 157
- Юрий ГАВРИЛОВ
«В ТАРАСОВКУ ПРИЕЗЖАЛ НА ОТЦОВСКОМ
”ЗАПОРОЖЦЕ“ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ» 203
- Денис ГЛУШАКОВ
«В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ”СПАРТАК“ СТАНЕТ
ЧЕМПИОНОМ, КОГДА БУДУ В НЕМ
ГЛАВНЫМ ТРЕНЕРОМ!» 236
- Анатолий ИСАЕВ
«РАДИ ”СПАРТАКА“ СТАРОСТИН
ДАЖЕ НЕ ОБЕДАЛ!» 301

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

Валерий РЕЙНГОЛЬД

«СТАРОСТИН СКАЗАЛ: ”С ТВОЕЙ ФАМИЛИЕЙ
ПРОБИТЬСЯ В СБОРНУЮ БУДЕТ ТЯЖЕЛО“.

НО Я НЕ СТАЛ ЕЕ МЕНЯТЬ»..... 349

Роман ПАВЛЮЧЕНКО

«В ЖИЗНИ ИГРАЛ ДЛЯ ДВУХ ТРЕНЕРОВ —
ХИДДИНКА И ФЕДОТОВА.

А ПОДЛОГО ЧЕЛОВЕКА СТАРКОВА

ОДНАЖДЫ ХОТЕЛ ТРЕСНУТЬ ПО БАШКЕ»..... 381

Федор ЧЕРЕНКОВ

«МНОГО ЛЕТ МЕНЯ МУЧИЛА СОВЕСТЬ
ИЗ-ЗА СОТОГО ГОЛА»

СЧЕТ ШЕЛ НА СЕКУНДЫ, И Я УЖЕ СХВАТИЛСЯ ЗА ГОЛОВУ ОТ ОТЧАЯНИЯ. Телефон-автомат на железнодорожной станции города Павловский Посад проглотил последнюю мою двухкопеечную монету, и разговор с Черенковым вот-вот должен был прерваться. А он все думал.

Шло лето 1990 года. Неделю спустя человек, который был и будет для меня лучшим футболистом мира всех времен, должен был вместе с Сергеем Родионовым уехать во французский «Ред Стар». Каким-то чудесным образом мне, семнадцатилетнему первокурснику журфака МГУ, обладателю спартаковского абонеента на лужниковский сектор А-5 и начинающему репортеру-внештатнику еженедельника «Собеседник», удалось не только раздобыть домашний телефон Черенкова, но и с сотого раза застать его хозяина.

В подмосковном городке я был на летней практике. Стационарного телефона, с которого можно было бы позвонить, общага не предусматривала. Никаких мобильных тогда не было и в помине. На перроне, кроме меня, — ни души. И монет в кармане больше не оставалось...

И все-таки он успел. Как всегда успевал на поле, выдержав мхатовскую паузу, принять решение, которого никто из соперников не ждал. Федор назвал время и место — к моему дикому восторгу, Тарасовку, в которой я еще ни разу не был. И едва я успел поблагодарить его, как нас разъединили.

Тот разговор состоялся тридцать два года назад, восемь из которых Черенкова с нами нет. Человеческая память избирательна, и такие детали запоминаются только в тех случаях, когда они очень важны. А что тогда для меня могло быть важнее, чем интервью с футболистом, на которого я всю жизнь молился? Интервью, главным воспоминанием о котором стала невероятная доброта и скромность кумира?

Скромность эта вошла в легенды. Рассказывали, что Федор сдавал экзамен в Горном институте (учеба в котором тоже отличала его от остальных игроков), а профессор понятия не имел, с кем ведет беседу. Черенков, который выставлять себя напоказ не умел, хорошо сдал экзамен на общих основаниях. Профессору потом объяснили, какая знаменитость сидела перед ним. Тот не поверил. Пришлось привести его на футбол. Посмотрел профессор на поле и ошеломленно воскликнул:

— Да это студент Черенков!

На что откликнулся сидевший рядом болельщик:

— Сам ты, дяденька, студент, а Черенков — профессор.

Даже если это и мифология, то какая же светлая!

Потому что сам Черенков был светлым человеком. Таких в современном, провонявшем несуразными деньгами футболе нет, да и в мире почти не сыщешь. Покажите мне еще одного идола миллионов, всерьез считает себя слабохарактерным.

Когда его называли великим, Федор смущался и краснел. Говорил, что не любит высокопарных эпитетов. И ни одному цинику в голову не приходило подумать, что это — рисовка.

Наш последний большой разговор состоялся в 2010-м. Для первого издания «Спартакoвских исповeдeй». И начали с того, что после интервью в редакции «Спорт-Экспресса», в котором Черенков рассказал, как ездит на метро и маршрутке, один спартакoвский болельщик, пожелавший остаться неизвестным, подарил ему автомобиль.

* * *

— Что тут скрывать — я был приятно удивлен, когда после интервью, в котором я говорил о своих поездках на общественном транспорте, один болельщик, Александр, подарил мне машину. Он пригнал ее к моему подъезду, пришел с уже готовыми документами. Мне оставалось только поставить подпись. Он представился как спартакoвский поклонник, но сказал, что подарок этот не лично от него, а от болельщиков «Спартакa». Зимой ей будет три года, и неполадок за это время у нее не было.

Мне кажется, только скромный человек способен, подарив что-то, заявить, что это подарок не от него, а от всех. Из-за этой скромности, наверное, он и афишировать себя не стал, и его личность так и осталась неизвестной для публики. Я-то его теперь знаю, но он просил не рассказывать о нем.

Делал ли я такие подарки друзьям и знакомым — позвольте об этом не говорить. Это личное. И о том, что кто-то пользуется моей добротой, я никогда не думал. Если люди считают меня добрым человеком,

я этому только рад. Не хочу быть злым. Хочу быть добрым.

Может быть, это одна из причин, почему я не стал тренером. Когда только закончил карьеру игрока, хотел попробовать себя в этой роли, и Олег Романцев позвал меня поработать с дублем. Но вскоре я понял, что не смогу. Тренеру обязательно нужно иногда повышать голос и что-то требовать от футболистов — то есть в нем должна быть частичка диктатора. А я всегда старался все решать спокойно, мирным путем. На это уходило больше времени, поскольку я пытался разъяснить игроку, а не приказать. И принимать жестокие решения тоже не по мне. Но, кажется, так, как я, никто из тренеров не поступал, поэтому я понял, что сделан не из того теста. Плюс к тому, по состоянию здоровья не выдерживал то напряжение, которое приходится испытывать тренеру...

Зрители часто дарили мне подарки. И сейчас дарят. Недавно мы с командой ветеранов «Спартака» были в городе Рошаль, недалеко от Каширы. Играли матч по мини-футболу. И мне подарили белого медведя в спартаковской форме. Он был такой огромный, что, когда я посадил его на переднее сиденье машины и поехал домой, со стороны было интересное и веселое зрелище. Можно было подумать, что этот мишка живой сидит, как пассажир.

Я теперь немножко по-другому, чем раньше, отношусь к просьбам об автографах. Прежде мог ответить: «Извините, устал, может, потом распишусь», — а теперь, даже очень уставший, раздаю автографы всем желающим. Потому что понимаю: любовь и уважение болельщиков, с которыми ветераны «Спартака» сталкиваются в каждом городе, огромны и бесценны. И очень

хочется сделать для этих людей, которые испытывают ностальгию, что-то приятное. Нам ведь это приятно не меньше.

Не вижу ничего плохого в том, что незнакомые люди называют меня Федей, хотя мне пятьдесят один год. Гораздо настроженнее воспринимаю, когда ко мне обращаются «Федор Федорович». Внутренне я не чувствую себя стариком! Хотя, когда смотрю в зеркало, вижу, что годы берут свое. Но гораздо спокойнее и приятнее, когда меня окликают просто по имени.

Ко мне подходят и старые болельщики, и люди помоложе. И даже малыши! Зрители среднего возраста хотят, чтобы мы сфотографировались с их детьми. Может, думают, что это принесет им удачу? В любом случае спасибо им. И всем тем, кто узнает меня на улице, жмет руку, благодарит за игру, хочет сфотографироваться. Своим добрым отношением они дарят мне положительные эмоции. Иногда подходят даже болельщики киевского «Динамо». Говорят, что уважают меня.

Несмотря на то, что большинство чемпионатов выигрывало киевское «Динамо», за «Спартак», наверное, потому болело столько людей по всей стране, что наша игра была... Как бы это точнее определить... Неожиданной. Хоть киевляне и выиграли больше, но во многих ситуациях было ясно, что будет делать тот или иной их игрок. На поле у них выезжала машина, которая хотела всех смести. А красивые моменты были связаны только с индивидуальным мастерством игроков «Динамо».

Наша же игра таила в себе импровизацию, красоту, неожиданность. Возможно, она, всегда атакующая и разнообразная, построенная на коротком и среднем пасае, больше нравилась зрителям визуально. Так играть

сложнее и рискованнее — зато этот риск поощрялся. И этот риск любили люди. И любят до сих пор.

Знаю, что меня называют великим футболистом, но я про «великого» не думаю. Не люблю возвышенные тона, к сердцу их не допускаю. Футболистом был — это да. То, что моим именем недавно назвали детскую футбольную академию «Спартака», — с одной стороны, для меня большая честь: радостно, что люди подумали об этом, получается, не зря играл. Но, с другой, мне от этой новости стало как-то не по себе. Есть же ветераны более титулованные, чем я, — и Симонян, и Дасаев, и многие другие спартаковцы. Я не знал, как это воспринять.

Но очень дорогого стоит то, что инициатива исходила от ветеранов. Однажды ко мне подошел Вячеслав Егорович и сказал, что составлено такое письмо и собираются подписи. Я подумал: вроде бы только что играл, но так быстро пролетело время — и вот такое событие. Значит, ветераны так ко мне относятся, считают достойным, хотя у меня есть немало отрицательных качеств.

В школе спартаковской появляюсь редко. Последнее время вообще достаточно сидячий образ жизни веду. Связано это с состоянием здоровья, которое не позволяет быть слишком активным. Случаются отголоски старых травм, перегрузки, которые у меня были. Хотя за ветеранов иногда езжу играть. Тяжело, правда, бывает, годы начинают сказываться.

Провожу где-то половину матчей от всех, что играют ветераны. В июне не смог поехать на игру и попросил найти замену. Хорошо, что замены находятся, — и не чувствуешь себя плохо из-за того, что не смог поехать и подвел ребят.

Я не был физически силен, и мне на первых порах во взрослом футболе пришлось очень сложно.

Уже в дубле по сравнению со школой почувствовал, насколько все по-другому. Помню свой первый матч за дублеров, против «Динамо», 0:0 — я устал так сильно, как никогда раньше не уставал! Тогда и понял, что в футболе нужна не только техника, но и физическая сила. Тренировался в общей группе и старался тянуться за ребятами. Хорошо, что Константин Иванович Бесков проводил совместные тренировки основного состава с дублем, поэтому было на кого равняться.

В конце 1977 года, когда мы ушли в отпуск, Федор Сергеевич Новиков, помощник Бескова, подготовил для меня специальную физическую программу. Я должен был бегать кроссы и раз в неделю работать со штангой. Он во всех деталях составил мне содержание упражнений, их продолжительность. И пока все отдыхали, я учился в институте, а когда приезжал домой, выполнял его задания. Эти упражнения, особенно кроссы, позволили мне стать выносливее. Понял это уже в 1978 году, когда почувствовал себя на равных с теми ребятами, которые играли в основном составе. Так что Федор Сергеевич тогда здорово помог. Больше мне такой программы уже не предлагали.

Думаю, что в сегодняшнем футболе я не чувствовал бы себя комфортно.

* * *

Я начал болеть за «Спартак» с шести лет, когда отец, спартаковский болельщик, сводил меня в «Лужники» на матч с киевским «Динамо». Помню, что «Спартак» проиграл 0:2. Но был полный стадион, и зрелище для меня, мальчишки, неповторимое. Голы забили как раз в те ворота, за которыми сидели мы.

Конечно, расстроились. Но я получил от игры столько эмоций, что стал постоянно ходить на матчи с отцом. Моими кумирами стали спартаковцы 60–70-х — Кавазашвили, Логофет, Киселев, Папаев, Калинин, Хусаинов, Ловчев, Осянин, Абрамов, Силагадзе...

Отца не стало, когда мне было шестнадцать. И потом, уже играя в основном составе, после окончания очередного сезона, в отпуске, я вспоминал его и думал: может, если бы папа это видел, то был бы рад. Потому что болел за «Спартак», а я играю за его любимый клуб.

Мама отдала нам всю свою заботу и любовь, но на мои матчи не ходила. Может быть, потому, что мой брат младше на шесть лет, и нельзя было оставить его одного дома. Но по телевизору на меня она смотрела. Кстати, от нее я услышал историю, что, когда был совсем маленьким, какой-то мужчина увидел во дворе, как я играю. А потом разыскал нашу квартиру, пришел и вручил мне мяч. Мой первый настоящий футбольный мяч.

Родителям я благодарен еще и за то, что они привили мне главный жизненный принцип: «Честно делай свое дело и будь до конца предан ему». Звучит, конечно, чуть банально, но это так. А еще — делать добро.

В спартаковскую школу я мог и не попасть. Однажды произошла такая история. Мы в спортклубе в Кунцево, где тренировались с ребятами на два года старше, решили попробовать себя в ФШМ. Точнее, решили они, а я попросил взять меня туда за компанию. Они согласились, и в ФШМ меня зачислили.

Но потом я приехал на очередную тренировку в Кунцево, и мой тренер Михаил Мухортов вызвал меня и сказал, что так не поступают. Прежде чем куда-то идти, надо посоветоваться с тренером. Отругал меня,

и мне стало очень стыдно. А потом Мухортов сказал, что раз я болею за «Спартак», то он меня туда и направит. Кажется, он был знаком с олимпийским чемпионом Анатолием Масленкиным — и тот после первой же тренировки оставил меня в команде.

Масленкин и любовью к «Спартаку» нас всех пропитывал, и технику ставил. С особым упоением он рассказывал, как играет бразильская сборная. Все упражнения, говорил тренер, у нее построены на технике — и у нас было так же. И передачи, и ведение мяча, и разнообразные игры, и даже гимнастические упражнения — все происходило с мячом.

Повзрослев, я пришел к выводу, что это самый правильный подход к детям младшего футбольного возраста. О тактике можно говорить в последние год-два перед выпуском. Когда технически они уже могут все исполнять.

Масленкин, Николай Паршин, Владимир Чернышев — никто из моих тренеров в спартаковской школе никогда не говорил, что в соревнованиях обязательно нужно занять первое место. Они считали, что самое главное для нас — играть и получать удовольствие от игры. А результат должен приходить как раз через игру. Само собой, что мы старались быть первыми, но никто не просил отбиться и отстоять в защите, только бы не пропустить. В «Спартаке» этого не было никогда.

Мне такой подход очень нравился, потому что до «Спартака» я с утра до ночи играл в футбол во дворе. И мне очень нравилось именно возиться с мячом. Когда ребята уходили, оставался один. Мне и одному с мячом не скучно было. Держал его стопой как можно дольше на весу. Чеканил, ставил задачу сделать это пятьсот раз подряд. Иногда уже темнеет, а я все никак до нормы

недоберу и домой из-за этого не иду. Об стеночку играл. Хотелось как можно точнее рассчитать отскок, чтобы много не бегать.

Когда мне было двенадцать, режиссер Исаак Магитон снимал детский фильм «Ни слова о футболе». Попал туда и я. Но слова Исаака Семеновича в его книге о том, что я не испортил ни одного дубля и пять раз подряд забивал «ножницами» через себя, — преувеличение. На самом деле была дюжина дублей, и удар у меня получился раз шесть. Но о неудачных попытках в книге он упоминать не стал. Сделал мне, как сказали бы сегодня, рекламу.

А попал я в это кино, когда кто-то из помощников Магитона увидел, как я играю в спартаковской школе на Ширяевке. Пригласил на съемки в Гомель. Поселили нас, десять мальчишек из Москвы, на центральном стадионе. В одном из подтрибунных помещений поставили кровати, рядом комната пионервожатой. В свободное от съемок время директор арены разрешал играть на главном поле. Зеленом — травинка к травинке! Для нас это было счастье!

Был и гонорар, сто десять рублей, я отдал его маме. С одним пожеланием — чтобы купила транзистор. И на эти деньги приобрели приемник «Сокол».

Но вернусь к своим детским тренерам, которым очень благодарен. Не помню, чтобы кто-то из них на нас кричал. Вообще считаю: все, что идет от отрицательных эмоций, пользы не приносит. Даже если человек сиюминутно выполнит то, что ему громко приказали, то воспитательный аспект все равно потеряется. И потом это даст о себе знать.

Не знаю, мог ли бы я сам тренировать детей. Наверное, да. Но я же по состоянию здоровья не способен

работать длительный срок без перерывов. Ведь после того как возьмешь команду, надо вести ее шесть лет. А у меня получалось так, что в течение последних пяти лет каждый год дважды ложился в больницу — нервы не выдерживали, — и какая тут постоянная работа, если даже год не могу продержаться?

* * *

Когда я только второй или третий год тренировался в спартаковской школе, летом в Тарасовке был организован детский спортивный лагерь. Там же тренировался и основной состав «Спартака». И вот однажды мы сидели за столом, обедали. Вдруг к нам подошел Николай Петрович Старостин. Спросил, кто из нас Черенков, и пригласил меня пройти с ним. Посадил за стол, рядом с кухней, где питались игроки основного состава, и начал со мной разговаривать. Сказал, что если буду так же хорошо играть и себя вести, то они в дальнейшем возьмут меня во взрослую команду. И добавил, чтобы обязательно старался.

Я был очень рад услышать такие слова. И родителям рассказал об этом, и брату. Но, конечно, тогда не представлял себе до конца, какая это фигура — Николай Петрович.

Как он любил футбол и особенно футболистов! Это было его главное качество — и уже из него истекло все остальное. Например, помощь игрокам во всех трудностях, как внутрикомандных, так и внешних — институт, быт. Он о каждом из нас заботился по-отечески. Николай Петрович был как капитан Немо: его вроде не видно, но в нужную минуту, самую тяжелую, — раз! — и появлялся, чтобы помочь.

Именно Старостин с помощью своего любимого выражения «выигрывает не тот, кто больше может, а тот, кто больше хочет» объяснил мне, что «Спартак» должен играть так, будто каждый матч для нас последний. Мы играем для зрителей — об этом Николай Петрович не уставал нам повторять.

Старостин читал нам наизусть всего «Евгения Онегина», «Песнь о вещем Олеге», другие стихи Пушкина. Брал микрофон в автобусе и часами декламировал. Говорил: «Хватит музыку слушать, послушайте стихотворения великих поэтов!» В ответ на наше удивление рассказывал: у него была такая память, что стоило ему один раз прочесть стихотворение — тут же его запоминал. Я был просто потрясен.

Помню одну из последних встреч со Старостиным. Он хотел помочь мне по какому-то личному делу. Попросил кого-то в клубе, началась суета. А потом на меня посмотрел так... грустно-грустно. И я сразу понял: происходит что-то не то. Наверное, он больше не может какие-то вещи для меня делать. Мне стало неудобно. Мы попрощались, и я ушел. Потом еще видел, как его водитель на красной «шестерке» вез с работы. А потом — на похоронах...

На Ваганьково к Николаю Петровичу и Константину Ивановичу захожу редко. Раз в год. Когда смотрю на могилы этих людей, которые столько для меня сделали, не хочется ни о чем говорить или думать. Хочется просто помолчать.

От личности Старостина и исходил спартаковский дух, о котором все столько говорили. Верю, что есть этот дух. И не хотелось бы, чтобы он выветрился из «Спартака», потому что дух переходил от одного нашего поколения к последующему. Он идет от особого

склада командного характера, твердости, стойкости. Когда во время матча или целого чемпионата что-то казалось нереальным, «Спартак» добивался успеха. В ситуациях, которые выглядели абсолютно безнадежными. Этот дух трудно описать словами, он находится на каком-то другом уровне человеческого сознания. Его чувствуют те, кто в «Спартак» приходит. Почувствовал и я, хотя знал о нем еще до того, как попал во взрослую команду.

Вдохновителем спартаковского духа на протяжении многих десятилетий и был Старостин. Но хоть Николай Петрович и умер, дух этот — жив.

★ ★ ★

Сейчас я почти ничего не читаю. Особенно когда болезнь приходит — она не дает читать, отторжение идет. К тому же и зрение немножко упало. А когда-то и Достоевского любил, и Джека Лондона, и «Войну и мир» прочитал запоем. В школе имел представление о Толстом только из учебников, а в районную библиотеку ходить было неловко, потому что читаю медленно, вдумываясь в каждое слово, а там сроки пользования ограничены. Когда игрой в футбол начал зарабатывать деньги, завел собственную библиотеку.

В Горный институт попал по большому счету случайно. Однажды к нам в спартаковскую школу — а я как раз в выпускном классе учился — приехала команда этого вуза. Мы с ними и сыграли. Выиграли 6:1, и нас всех, проведя небольшой экскурс в горное дело, пригласили туда поступать.

Меня в институт физкультуры не тянуло, я хотел чего-то нового и более интересного. И решил.